

Виталий Аксенов

СОКРОВИЩА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Судьба похищенных шедевров

 ПИТЕР

Виталий Евгеньевич Аксенов

Сокровища Третьего Рейха.

Судьба похищенных шедевров

предоставлено правообладателями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=422362

Аксенов В. Е. «Сокровища Третьего Рейха. Судьба похищенных шедевров»: Питер; СПб.; 2010

ISBN 978-5-49807-694-2

Аннотация

В последние годы в обществе все чаще поднимается вопрос о судьбе ценностей, награбленных нацистами во время Второй мировой войны. Значительную часть награбленного составляли первоклассные произведения искусства, вывезенные фашистами из крупнейших музеев Европы и изъятые у известных коллекционеров.

В книге мы проследим пути перемещения разграбленных ценностей, обстоятельства их поиска и возвращения. Вы узнаете историю легендарной коллекции Геринга, который соперничал с самим фюрером, а также историю главы гестапо Генриха Мюллера, который после войны с внушительной коллекцией ценностей перекочевал в Америку, а в своих воспоминаниях рассказал, что Гитлер и Ева Браун вовсе не погибли, а инсценировали свою смерть и покинули Германию. Все факты

получены нами в крупнейших музеях и архивах Германии, Голландии, Польши, Австрии, Бельгии, Франции, Украины и России.

Книга проиллюстрирована уникальными кадрами фото- и кинохроники. Российский читатель увидит их впервые.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая,	7
Глава вторая,	33
Глава третья,	48
Глава четвертая,	63
Глава пятая,	79
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Виталий Аксенов

Сокровища Третьего Рейха

Судьба похищенных шедевров

Предисловие

Эта книга – свидетельство трагической судьбы многих художественных шедевров мирового значения, утраченных в ходе последней мировой войны, развязанной немецким фашизмом. Суммарную стоимость всех утрат просто невозможно определить. Но дело, конечно, не в цене. Любуясь картинами величайших художников мира, мы не задумываемся об их рыночной стоимости. Нас влечет, прежде всего, неповторимое художественное мастерство их создателей, мы получаем величайшее эстетическое наслаждение.

Запечатленная в картинах или скульптурах жизнь человека – это и есть художественная летопись человечества. Может быть, и поэтому народы так ревностно хранят свои художественные сокровища. И заполучить их можно разве только за очень большие деньги или отобрать силой.

Мы расскажем несколько историй о судьбе мировых ше-

девров и о людях, которые эти шедевры сохраняли, похищали, искали, возвращали.

В конце концов, речь всегда идет о людях.

Глава первая, в которой мы познакомимся с «голубой мечтой» фюрера и с главными персонажами нашей истории

Вот несколько акварелей:

1) «Немецкая церковь и парижский домик, 1920»;

2) «Veselaire, 1917»;

3) «Новый Максимилианский мост, 1913–1914»;

4) «Мюнхенский Королевский Баварский Hofbrauhaus, 1913–1914»;

5) «Королевская Опера в Мюнхене, 1913»

Вполне приличные акварели, заметно пристрастие автора к историческим зданиям, мостам, тихим городским уголкам. Художник склонен к лирике, безмятежному созерцанию красот природы. Автором этих акварелей, написанных в начале прошлого века, был никому тогда не известный и, увы, непризнанный художник Адольф Гитлер. Когда будущий фюрер принес свои работы в Венскую академию художеств, на живописное отделение его не приняли, но посоветовали пойти на архитектурное. Честолюбивый Адольф оскорбился и отверг это предложение, что имело далеко идущие

щие последствия для самой Академии художеств и всего человечества. Как изменилась бы история XX века, если бы автора этих акварелей приняли в Академию?!

Став фюрером и неограниченным диктатором страны, Гитлер весь свой нерастроченный художественный потенциал устремил на создание грандиозных планов строительства величественных зданий, гигантских памятников. Гитлер и рейхсминистр пропаганды доктор Геббельс ежегодно проводили выставки современного немецкого искусства во вновь отстроенном Мюнхенском музее. Картины и скульптуры, удостоенные включения в экспозицию, соответствовали эпигонскому, примитивно мещанскому вкусу фюрера.

Германию ожидала грандиозная перестройка, на которую были субсидированы огромные деньги. Искусство должно было соответствовать арийскому духу и прославлять Германию как Великий Третий рейх, существованию которого Гитлер отводил ближайшие 1000 лет.

В начале 20-х годов многие выдающиеся художники, жившие в Германии, обрели мировое признание. Среди них были крупнейшие представители «нового реализма» – Георг Гросс, экспрессионист швейцарского происхождения Пауль Клее, русский экспрессионист, работавший в Германии, Василий Кандинский. Для Гитлера, считавшего себя тонким знатоком искусства и истинным художником, современные тенденции в немецком изобразительном искусстве казались бессмысленными и опасными. В «Майн кампф» он выска-

зывался против «большевизации искусства». Подобное искусство, говорил он, «есть болезненный результат сумасшествия. Жаль людей, которые уже не способны контролировать свое болезненное состояние».

В 1930-м он поддержал национал-социалистическую боевую лигу Альфреда Розенберга, которая активно боролась с «дегенеративным искусством». Собственный вкус Гитлера в живописи ограничивался героическим и реалистическим жанрами. Истинное германское искусство, говорил он, никогда не должно изображать страдание, горе или боль. Художники должны использовать краски, «отличные от тех, которые различает в природе нормальный глаз». Сам он предпочитал полотна австрийских романтиков, изображавших тирольскую крестьянскую жизнь, и баварских художников, рисовавших счастливых крестьян за работой или пьянствующих монахов за игрой. Для Гитлера было очевидным, что наступит время и он очистит Германию от декадентского искусства ради «истинного германского духа».

Около 42 тысяч лояльных нацистскому режиму деятелей культуры были принудительно объединены в Имперскую палату изобразительного искусства. Директивы этого органа имели силу законов. Любой мог быть исключен за «политическую неблагонадежность». Для художников существовал целый ряд ограничений: лишение права на преподавательскую деятельность, права выставляться и права заниматься живописью. Агенты гестапо совершали молниеносные рей-

ды по студиям художников. Владельцам художественных салонов и магазинов раздавали списки опальных художников и запрещенных к продаже произведений искусства. Многие известные германские художники оказались в изгнании: Пауль Клее вернулся в Швейцарию, Кандинский уехал в Париж и стал французским подданным, Оскар Кокошка, чей неистовый экспрессионизм особенно раздражал Гитлера, переехал в Англию и принял британское гражданство, Георг Гросс эмигрировал в США, Макс Бекман обосновался в Амстердаме.

Один из аукционов по продаже картин «дегенеративного искусства» в Швейцарии. Выставлен автопортрет Ван Гога

Первая официальная выставка «выродившегося искусства» (1918–1933) прошла в Карлсруэ в 1933 году, спустя несколько месяцев после прихода Гитлера к власти. В начале 1936 года Гитлер приказал четырем нацистским художни-

кам во главе с профессором Адольфом Циглером, президентом Имперской палаты изобразительного искусства, обследовать все основные галереи и музеи Германии с целью изъятия «декадентского искусства». Член этой комиссии граф фон Баудизен дал ясно понять, какой тип искусства он предпочитает: «Самая совершенная форма, самый изысканный образ, созданный в последнее время в Германии, родился вовсе не в мастерской художника – это стальной шлем!». Комиссия изъяла 12 890 картин, рисунков, эскизов и скульптур немецких и европейских художников, в том числе работы Пикассо, Гогена, Сезанна и Ван Гога.

31 марта 1936 года эти конфискованные произведения искусства были представлены на специальной выставке «дегенеративного искусства» в Мюнхене. Эффект оказался обратным: огромные толпы народа стекались, чтобы полюбоваться на творения, отвергнутые Гитлером. Проходившая одновременно по соседству «Великая германская художественная выставка», на которой было выставлено около 900 работ, одобренных Гитлером, привлекла куда меньшее внимание публики. Чтобы поощрить «истинных германских художников», Гитлер учредил несколько сотен премий.

Образец нового арийского искусства. «Настоящий ариец»

Незадолго до начала Второй мировой войны, в марте 1939 года, в Берлине были сожжены тысячи художественных полотен. В конце июля 1939 года, по распоряжению Гитлера, на аукционах в Швейцарии был продан целый ряд картин, чтобы получить валюту. Покончив с «дегенератами», фюрер тяжело задумался, размышляя, куда бы направить свои нерастраченные творческие силы. Идею невольно подсказал его интеллектуальный друг и соратник Бенито Муссолини. Прогуливаясь по залам римского музея, фюрер с завистью любовался скульптурами и картинами великого итальянского Возрождения и тут его осенила блестящая идея: а почему бы не создать грандиозный музей всех времен и народов? Его музей! Сама по себе идея, конечно, замечательная. Но ни один существовавший в то время немецкий музей не отвечал замыслу Гитлера. Значит, надо построить новый, а хорошо бы вокруг музея еще создать и новый арийский город. Вы-

бор пал на родной Линц, в котором фюрер провел свое детство и которому предстояло стать новой столицей на Дунае. Ликующие жители Линца с трудом верили своему счастью. Им предстояло жить в новой суперстолице, переселиться в роскошные дома, следить за движением звезд из новейшей обсерватории, а также любоваться экспонатами загадочного Музея холода.

Во время экскурсии фюрера по Миланскому музею его осенила блестящая идея создать свой грандиозный музей в Линце. Дуче еще не подозревает, что часть экспонатов из Италии незаконно будет вывезена в рейх

Стройка закипела. Уже шла война на два фронта, но Гитлер лично приезжал в Линц, чтобы контролировать ход строительства. Народ еще радуется, но энтузиазма поубавилось. Но чем заполнить залы музея? По-своему, это был бескорыстный человек – все, что он делал, совершалось во имя

«Великой Германии», и наградой ему будет благодарность немецкого народа. Все деньги от продажи книги «Майн кампф» и марок со своим изображением Гитлер направил на покупку картин величайших художников всех времен и народов. Под личным повседневным контролем Гитлера действовала «зондерауфтраглинц» – за пять лет было «собрано» восемь тысяч картин, а на десятки тысяч были «получены права». Но, конечно, никаких денег бы не хватило для приобретения всего, что фашисты награбили с оккупированных территорий. Для того чтобы представить, какой размах приобрел грабеж, обратимся к свидетельству доктора Колера, ученого из бывшей ГДР: «Уже к 1938 году, сразу после оккупации фашистами Австрии, Гитлер стал подгрести под свое личное ведение все дела, связанные с культурой и искусством. Именно тогда в фашистской бюрократической машине появился термин «прерогатива фюрера» («фюрерфорбехальт»). Был издан его тайный приказ: «Все наиболее ценные произведения искусства должны быть сфотографированы и представлены на рассмотрение мне – я решу их дальнейшую судьбу».

...Я нашел один любопытный материал: когда гауляйтер оккупированного Перемышля посмел не показать Гитлеру похищенные им из музея картины, его немедленно, без суда и следствия, расстреляло гестапо»».

Чтобы на месте ознакомиться с величайшим планом, мы отправились в Линц, очаровательный старый австрийский

город. Мы были покорены его красотой и порадовались, что фюреру не удалось превратить этот город в грандиозную казарму – он успел построить лишь два здания и мост через Дунай. Очевидно, что казарменный стиль сооружений абсолютно чужд гармонии этого прелестного города.

Да, рейхсминистр по восточным территориям Розенберг был отменным грабителем, но он стоял лишь на третьей ступеньке лестницы, вслед за фюрером и Герингом. Поначалу советы Гитлеру давал его лейбфотограф Генрих Гофман, считавший себя знатоком Шпитцвега, но постоянно натывавшийся на фальшивки.

В первые годы правления Третьего рейха Гитлер привлек для создания своей коллекции умного и беспринципного берлинского антиквара Карла Габерштока, который в 1933 году вступил в Национал-социалистическую рабочую партию Германии. Услуги для фюрера Габершток предоставлял практически бесплатно, надеясь заработать политический капитал. Летом 1938 года Гитлер решил посоветоваться с Карлом Габерштоком, который помогал фюреру в приобретении картин для «коричневого дома» в Мюнхене, Имперской канцелярии и замка в Берхтесгадене. Решив вплотную заняться музеем в Линце, Гитлер позвал Габерштока и спросил его, кто бы мог профессионально сформировать экспозиции музея. Антиквар сразу же назвал ему Ганса Поссе, всемирно известного искусствоведа, специалиста по итальянскому и нидерландскому искусству. «Правда, – добавил

Габершток, – в Дрездене его хотят сместить со своего поста, а Поссе верой и правдой служит фюреру».

59-летний Ганс Поссе занимал довольно скромную в иерархии государства должность – он был директором Дрезденской картинной галереи. И стал объектом травли со стороны местных партийных функционеров, которые хотели поставить на его место своего человека. Они обвинили Поссе в том, что он дал приют «выродившемуся» художнику Оскару Кокошке и сохранил его полотна (так же, как и произведения Отто Дикса). Доктор Поссе уже готовился расстаться со своей должностью, как вдруг все волшебным образом изменилось. Услышав о гонениях на Поссе, Гитлер рассвирепел и заявил, что дураки из Дрездена, не понимающие его великих политических идей, срывают все его планы. Борман немедленно устроил головомойку гауляйтеру Саксонии Мартину Мучману, и доктор Ганс Поссе мгновенно оказался у Гитлера. Правда, он не знал, по какому поводу, и вначале решил, что его враги в Дрездене добились своего. Однако фюрер принял Поссе ласково и заявил, что собирается поручить ему дело всей своей жизни – формирование «музея фюрера» в Линце.

Впрочем, есть еще одно объяснение, почему был приглашен Поссе. Анжела Раубаль, урожденная Гитлер, сестра фюрера, вторично вышла замуж за директора дрезденского строительного училища Мартина Хамича. Его училище находилось рядом с Главным государственным архивом, где

директором был тайный советник Поссе – отец Ганса. Их семьи дружили. Анжела и ее муж с 23 мая по 5 июня 1938 года провели свой отпуск в доме Гитлера в горах в Берхтесгадене.

18 июня Гитлер посетил Дрезден и возвратил Поссе его прежнюю должность. Однако прошел еще целый год, прежде чем фюрер доверил ему «спецпоручение – Линц».

Как бы то ни было, выразивший готовность беззаветно служить «дорогому фюреру», Поссе немедленно получил от Бормана специальное удостоверение, подписанное Гитлером, в котором значилось: «Директор картинной галереи Дрездена др. Ганс Поссе (паспорт номер VI 971/39 удостоверен полицей-комиссариатом) имеет личное задание фюрера, что я и довожу до сведения всех административных управлений в качестве руководства к действию. Все немецкие административные управления оккупированных стран обязаны оказывать господину доктору Поссе всяческую поддержку при выполнении данного ему фюрером задания». И Гитлер не ошибся: доктор Поссе преданно служил ему вплоть до своей неожиданной смерти в 1942 году. За несколько лет он сумел «собрать» огромное количество первоклассных картин и скульптур, которые целевым образом шли в специальные хранилища для «музея фюрера». С мнением доктора Поссе считались многие специалисты и сам Гитлер. Поссе не стеснялся оборвать фюрера в разговоре, если был с ним не согласен.

Однажды Гитлер похвастался партией приобретенных

картин и неожиданно подвергся разносу Поссе за пристрастие к «мюнхенской школе», по мнению профессора, провинциальной: «Она не соответствует рангу будущей галереи, какой я ее представляю!» Вряд ли фюрер знал, что такое «мюнхенская школа», и, не терпящий никаких возражений, он робко выслушивал назидания профессора.

Но вернемся к рассказу о нем доктора Колера:

«Профессор знал все, связанное с картинами и скульптурами, как те картины, которые предназначались для музея фюрера (сам отбирал как-никак!), так и те, которые были складированы в тайных розенберговских «депо». (В хранилищах рейхсляйтера Розенберга собиралось все, что его зондеркоманды натащили из оккупированных стран.)

Ганс Поссе. Директор Дрезденской галереи. Ему фюрер поручил почетную миссию по отбору экспонатов для своего музея в Линце

Поссе сделал решительное заявление: Розенберг не умеет наладить хранение ценностей, поэтому все должно принадлежать одному хозяину.

Борман горячо одобрил эту идею (подброшенную его же человеком!) и поставил вопрос, на который мог быть лишь однозначный ответ: все надо объединить в руках «лучшего друга художников и скульпторов, великого фюрера германской нации Адольфа Гитлера».

И личный искусствовед Гитлера успешно начал работу в Голландии. 28 ноября 1940 года Поссе докладывает Борману, что им отобрано 68 произведений, среди которых работы Брейгеля, Рубенса, Рембрандта, Рейсдаля, Каналетто. О работе в Голландии мы расскажем подробно и отдельно – это увлекательная детективная история, которая сегодня все еще горячо обсуждается специалистами. Вырученную за реализацию ценностей по разделу «дегенеративное искусство» валюту Поссе получал в Дрезденском банке и тут же покупал на нее работы старых мастеров. В своих беседах Гитлер упомянул о том, что он погасил задолженность одной обанкротившейся еврейской фирмы и получил прекрасную коллекцию мастеров. В этой акции не последнюю роль сыграл доктор Поссе. А дело было так.

Фриц Мангеймер, банкир и мультимиллионер, вовремя успел уехать из Германии в Голландию, где он собрал блестящую коллекцию картин, ювелирных изделий и гобеленов. Внезапная смерть банкира в августе 1939 года поставила в

тяжелое положение его банк в Амстердаме, который вынужден был расплатиться с кредиторами частью коллекции. Поссе немедленно сообщил Борману о возможности по дешевке приобрести великолепную коллекцию. 4 февраля 1941 года Борман послал в Гаагу срочную телеграмму рейхскомиссару Голландии генералу Шмидту:

Срочно!

Прошу немедленно известить доктора Поссе, находящегося в Гааге, что фюрер желает закупить коллекцию Мангеймера.

Фюрер поручает Поссе купить данную коллекцию.

Прошу господина рейхскомиссара не санкционировать продажу в другие руки и оказать содействие Поссе в немедленной покупке коллекции.

Хайль Гитлер!

Борман

Рейхскомиссар «не санкционировал» в другие руки, и Поссе немедленно принялся за дело и преуспел, пригрозив владельцам, что «...если я картины не получу, их просто конфискует гауляйтер Шмидт как «вражеское имущество»». «Оккупированные владельцы», оценив ситуацию, спорить не стали, и за 5 миллионов гульденов (около 7 миллионов марок) Поссе приобрел коллекцию, которая стоила в несколько раз больше. Особый интерес представляла для Поссе Италия – прочтем хотя бы одно донесение профессора:

Лично рейхсляйтеру Господину Борману

Оберзальцберг под Берхтесгаденом.
Глубокоуважаемый господин рейхсляйтер!
Докладываю, что вчера, 23 марта 1941 года, я
возвратился из 14-дневной поездки в Италию.

Благодаря предварительной работе принца Филиппа фон Гессена стало возможным приобрести для фюрера около 25 картин, среди них:

- портрет неизвестного знатного мужчины (Тициан);
- великолепный двойной портрет (Тинторетто, 1562)

... Портрет жены композитора Россини на фоне интерьера.

В результате этих итальянских приобретений средства, предоставленные мне, оказались исчерпаны. Я уже обратился к господину рейхсминистру д-ру Аммерсу с просьбой пополнить счет в посольстве Германии в Риме. По пути я побывал в Мюнхене и посмотрел доставленные из Парижа великолепные полотна Рубенса, Ф. Гальса. В мое отсутствие в Мюнхен прибыл четвертый транспорт с 19 картинами, а также с тремя ящиками произведений искусства, полученных в Голландии из коллекции Кёнигса. Картины после осмотра нашими реставраторами будут переправлены для «музея фюрера».

Хайль Гитлер!

Преданный Вам профессор Г. Поссе

Нет, не зря трудился энергичный профессор, и рейхсляйтер Борман был им очень доволен. И только с Эрихом Кохом Поссе не смог найти взаимопонимания.

Приехав в Кенигсберг, чтобы отобрать ценности для Гитлера, Поссе осмотрел выставленную там в Королевском замке знаменитую Янтарную комнату, украденную немцами из Царского Села. Восхищенный Поссе немедленно заявил, что Янтарную комнату придется отправить «дорогому фюреру». Кроме того, она сослужит и другую службу – доктора советуют Гитлеру почаще находиться в благотворном янтарном поле, которое очень успокаивает (известно, что фюрер страдал приступами истерии и, конечно, нуждался в такой терапии). Это сообщение совсем не понравилось гауляйтеру Восточной Пруссии Эриху Коху, у которого были свои виды на Янтарную комнату. Как бы то ни было, но после визита в Кенигсберг, вернувшись в Дрезден, Ганс Поссе скоропостижно скончался 7 декабря 1942 года, хотя и был абсолютно здоров. Его похоронили с государственными почестями. И было за что – Поссе собрал для любимого фюрера 1200 картин первоклассных мастеров. На похоронах Геббельс отметил, что доктор Поссе «с беспрецедентным проникновением в суть дела, с усердием ученого и рвением коллекционера блестяще выполнил поручения самого фюрера и, осуществляя свою миссию, превзошел все достигнутое им в предыдущий период». До своего последнего часа он неутомимо работал для выполнения особого задания, и можно сказать, что в результате этой деятельности он увенчал самым блестящим свершением свою столь богатую успехами жизнь... Город Линц с полным правом присвоил доктору Поссе звание почетного гражд-

данина, ибо он оставил в этом городе нерукотворный памятник».

К счастью, «памятник» так и остался «нерукотворным»! Ганс Поссе вел дневник, где скрупулезно фиксировал свои «приобретения».

Вдова Поссе завещала все свое имущество и дневник мужа племяннице Г. Зайлер, которая передала дневник помощнику Поссе К. Хаберштоку – «для ознакомления», но обратно его не получила. Помощник Хабершток решил припрятать дневник в секретном отделе Германского национального музея в Нюрнберге – ведь сведения, которые можно было почерпнуть из пометок Ганса Поссе, наверняка стоят многие миллионы долларов.

1993 год. Дневники должны были рассекретить, но специалисты до сих пор не могут заглянуть в перечень похищенных сокровищ. В ответ на запрос газеты «Цайт» директор музейного архива Фейт заявил, что секретность дневника Поссе «...сохраняется в интересах многих людей, еще живых, но участвовавших в акциях по сбору военных коллекций». Конечно, многое рассказал бы и дневник Мартина Бормана, из которого можно узнать, чем же владел фюрер. Но и этот дневник не был рассекречен, хотя в 1996 году наступил срок предать его гласности. А ведь именно Борман разработал «долгоиграющий» сценарий спасения сокровищ фюрера. Правда, с дневником Бормана был знаком товарищ Сталин, которому дневник доставил лично маршал Жуков.

Однако никаких конкретных шагов предпринято не было.

С Линцем ничего не вышло. Свою мечту Гитлер разрушил сам, развязав войну. Однако фанатично преданный своим идеям, Гитлер даже в своем завещании за несколько часов до смерти написал, что собранную им коллекцию картин завещает немецкому народу. От рождения счастливого замысла фюрера до его полного краха прошло несколько лет, полных трагических, кровавых событий, унесших жизни миллионов человек и ставших причиной небывалого в истории не только Европы, но и во всем мире перемещения культурных ценностей. В этой грандиозной акции участвовали десятки тысяч людей. Мы расскажем лишь о некоторых, но вначале познакомимся с главными действующими лицами нашей истории.

Адольф Гитлер – великий фюрер, отец, вождь и учитель германского народа, автор «замечательной» идеи ограбить все достойные внимания музеи Европы и тем самым укрепить арийский дух народа.

Герман Геринг – второй человек в Германии, министр-президент, председатель Совета по обороне, генерал-фельдмаршал, рейхсмаршал авиации. Обладал неукротимой страстью к коллекционированию – в основном чужих художественных ценностей – и стремился превзойти в этом самого фюрера.

Альберт Шпеер – личный архитектор Гитлера, один из самых преданных ему людей, почти друг (просто друзей

у Гитлера не было), автор многочисленных архитектурных проектов, в том числе знаменитой Имперской канцелярии и градостроительного плана превращения маленького городка Линц в грандиозную столицу на Дунае.

Мартин Борман – рейхсляйтер, начальник Имперской канцелярии, «серый кардинал» в команде Гитлера, оперативно руководил реализацией плана «дорогого фюрера» и не жалел на это казенных денег.

Генрих Гиммлер – рейхсфюрер СС, успешно внедрял новые ускоренные методы решения «еврейского вопроса», а реквизированные ценности отправлял в Рейхсбанк на нужды «тысячелетнего рейха».

Вальтер Функ – президент Рейхсбанка, и, хотя, как он заявил на Нюрнбергском процессе, ничего про это не знал, все-таки за любовь к чужим золотым коронкам получил пожизненное тюремное заключение.

Бенито Муссолини – дуче фашистской Италии, дружески презентовавший Гитлеру кое-что из национальных сокровищ своей страны, не разрешенных законом к вывозу.

Ганс Поссе – директор Дрезденской галереи, профессор, личный уполномоченный фюрера по комплектованию «Музея всех народов» в Линце, неустанно трудился над заданием фюрера и пострадал из-за своего рвения.

Филипп Гессенский – принц, обер-президент земли Гессен-Нассау, сын немецкого кайзера Фридриха Третьего и королевы Виктории, зять итальянского короля Виктора Эм-

мануила, ближайший помощник доктора Поссе, был любезно принят фюрером в его ставку и вместе с женой отправлен в концлагерь.

Иоахим фон Риббентроп – рейхсминистр иностранных дел, сумел плодотворно поработать по вывозу из Франции и Италии художественных ценностей.

Альфред Розенберг – рейхсминистр по оккупированным восточным территориям, заявил, что «привлек миллионы людей к неизвестным им до тех пор сокровищам искусства», но все равно был повешен.

Эдда Геринг – дочь рейхсмаршала авиации, вела длительную, изнуряющую борьбу за картину Лукаса Кранаха Старшего «Мадонна с младенцем».

Йозеф Геббельс – рейхсминистр пропаганды и гауляйтер Берлина, теоретически обосновал исключительные права немецкого народа на владение всеми ценностями мировой культуры.

Генрих Мюллер – шеф гестапо, группенфюрер СС, сумел сколотить неплохое состояние, составить свою личную художественную коллекцию и таинственно исчезнуть в последние дни войны.

Каэтан Мюльман – штандартенфюрер СС, доктор, полномочный представитель генерал-губернатора Польши по учету чужих культурных ценностей.

Солмс-Лаубах Эрнст-Отто – офицер по охране предметов искусства при 18-й армии группы войск «Север». За-

нимался ограблением дворцов и музеев пригородов Ленинграда. В годы войны привез в Восточную Пруссию большое количество предметов культуры и искусства. После 1945 года – директор музея предметов ремесленного искусства в Франкфурте-на-Майне.

Гарри Трумэн – президент США, пользовался советами одного из вышеперечисленных лиц и получал от него ценные подарки.

Дуайт Эйзенхауэр – генерал, главнокомандующий американским экспедиционным корпусом в Европе, а затем и президент США, первым увидел склад похищенных нацистами сокровищ, но не растерялся и отдал важный приказ.

Георгий Жуков – любимый маршал советского народа, после блестящих побед под Берлином сформировал собственный эшелон трофейных вещей, за что его пожурил товарищ Сталин.

Георг Штайн – немецкий садовод, положил жизнь на поиск похищенных русских сокровищ.

Архимандрит Тихон – наместник Псково-Печорского монастыря, показал нам знаменитую ризницу и реликвии, возвращенные Георгом Штайном.

Франц Шварц – рейхсляйтер, казначей нацистской партии, беспрепятственно и оперативно снабжал доктора Поссе валютой партии на «закупку» произведений искусства для «музея фюрера».

Отто Абец – посол Германии во Франции, руководитель

шпионского бюро Риббентропа, направлял и контролировал работу по конфискации ценностей Лувра и «враждебных рейху» еврейских владельцев.

Фон Кюнсберг – барон, начальник зондеркоманды по изъятию художественных ценностей, яростно конкурировал с другими любителями чужих сокровищ.

Вильгельм Кейтель – фельдмаршал, начальник Верховного командования вермахта, приказал всемерно способствовать выполнению приказа фюрера об изъятии художественных ценностей, но повешен был не только за это.

Ганс Франк – генерал-губернатор Польши, скрупулезно истреблял культуру и народ Польши, фанатичный поклонник картины Леонардо «Дама с горностаем», что привело его на скамью подсудимых Нюрнбергского трибунала.

Артур Зейс-Инкварт – канцлер Австрии после аннексии ее Гитлером, а затем имперский уполномоченный в Нидерландах, где он всячески помогал доктору Поссе в выполнении его почетной миссии.

Мюнстер Шмидт – генеральный комиссар Голландии, неукоснительно выполнял поручения Бормана по захвату художественных ценностей.

Эрих Кох – обергруппенфюрер СС, облеченный особым доверием фюрера, гауляйтер Польши и Украины, назначен гауляйтером Москвы, но приступить к обязанностям не смог; вел широкомасштабную игру за обладание Янтарной комнатой и сумел в конце войны вывезти многочисленные

художественные ценности, приговорен польским судом к повешению, но мирно прожил еще 28 лет в тихой Ольштын-ской тюрьме.

Василий Пономарев – археолог, бургомистр Новгорода, предатель и герой, спасший большую коллекцию бесценных новгородских и псковских икон.

Вольфганг Айхведе – директор Восточного института в Бремене, совершенно бескорыстно помогал возвращению в Россию многих художественных ценностей.

Габриэль Суперфинн – сотрудник доктора Айхведе, с помощью которого мы кое-что узнали о судьбе Василия Пономарева.

Бурхард Герес – директор Управления прусских замков и садов, нашел и вернул в Россию некоторые из пропавших картин, однако все еще надеется получить обратно исчезнувшие после войны прусские ценности.

Станислав Лоренц – профессор, усилиями которого реставрированы многие ценности, и прежде всего Королевский замок в Варшаве.

Кароль Эстрейхер – профессор, директор музея Ягеллонского университета, вместе с американцами вошел в соляную шахту Альт-Аусзее, а в Нюрнберге обнаружил и опознал фрагменты алтаря Вита Ствоша.

Польский народ – пожертвовал деньги на воссоздание из руин национального шедевра – Королевского замка в Варшаве.

Виктор Балдин – советский офицер, вывез из Германии коллекцию рисунков и неожиданно легкомысленно решил вернуть их Бременскому музею, что привело к невиданной конфронтации парламентариев двух стран, акциям протеста общественности и санкциям Генеральной прокуратуры.

Протоиерей Сергей Гарклавс – наконец-то вернул России икону Тихвинской Божией Матери.

Стефан Баторий – польский король, в XVI веке осадил Псков и невольно стал причиной появления одной из русских святынь – иконы Покрова Богородицы.

Наталья Ткачева – сотрудник Псковского музея, подняла общественность на борьбу за передачу иконы Покрова Богородицы из Москвы в Псков, втайне и безосновательно мечтая заполучить ее в свой музей.

Борис Пиотровский – директор Эрмитажа, передал немцам церковные витражи, украинцам – фрески Михайловского собора, но в запасниках музея еще кое-что осталось.

Иван Саутов – директор музея-заповедника «Царское Село», неутомимо боролся много лет за воссоздание Янтарной комнаты и возвращение украденных из музея ценностей.

Ирина Антонова – директор Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, стойко выполняла распоряжения руководящих партийных органов и бдительно хранит до сих пор в своем музее многие европейские коллекции.

Вадим Знаменов – директор музея-заповедника «Пе-

тергоф», рассказал нам об исчезновении фонтанов «Самсон» и «Нептун» и о счастливом возвращении последнего.

Эдуард фон Фальц-Фейн – барон, мучительно думал, что еще найти и подарить России из утраченных раритетов.

Сергей Кот – украинский историк, рассказал нам, кто же разрушил знаменитый Успенский собор в Киеве и почему немцы никак не могли справиться с постоянно возникающими пожарами и взрывами.

Николай Никандров – неумоимо изучал историю разграбления России и лично способствовал возвращению многих ценностей.

Хан Антониус ван Меегерен – голландский художник, сумевший продать картину самому Герингу, что привело к длительному международному скандалу.

Франц Кёнигс – голландский банкир и собиратель живописи, рисунки из его коллекции попали в фонды «музея фюрера», а его родственники и голландское правительство сегодня требуют от России возврата этих рисунков.

Алексей Геллер и Вадим Задорожный – антиквары, пытались вернуть Венскому музею прекрасную картину, но не нашли понимания.

Иоахим Эрнст фон Ангальт-Цербстский – герцог, стал жертвой нацистов, отсидел срок в концлагере, а затем, после прихода Советской армии, снова попал в лагерь – теперь уже как сторонник нацизма, где и умер, а его родственники сегодня требуют вернуть из Эрмитажа коллекцию ото-

бранного у герцога столового серебра.

Владимир Путин – президент России, использовал служебное положение для ускорения возврата российских сокровищ.

Мертвые и живые – все они имели отношение к нашей истории.

А также художественные коллекции:

- семьи Ротшильдов;
- графа Ланцкоронского;
- семьи Отто Ланца;
- Франца Кёнигса;
- доктора Майнгеймера;
- Отто Кребса;
- Отто Герстенберга;
- Бернгарда Кёлера.

Музеев:

Парижа, Гента, Варшавы, Кракова, Брюгге, Амстердама, Роттердама, Царского Села, Павловска, Петергофа, Гатчины, Киева, Новгорода, Пскова, Печерской лавры, Ясной Поляны, села Михайловского, Минска, Бремена, Берлина, Праги, Вены, Будапешта, Греции, Италии...

И миллионы ограбленных людей.

Глава вторая, в которой мы отправимся в Германию и Австрию, чтобы узнать, где были спрятаны гигантские художественные ценности – свои и чужие

В предыдущей главе мы узнали:

– как фюрера посетила замечательная идея о создании музея в Линце;

– куда делись картины Пикассо, Ван Тога, Кандинского и других «дегенеративных художников».

– и познакомились с главными действующими лицами нашей истории.

Сразу надо сказать, что в захоронении ценностей на территории Германии была четкая градация: свои ценности – в одни хранилища, чужие – в другие. Оказывается, в начале марта 1945 года картины из немецких музеев все еще находились в довоенных хранилищах. Пока о них не вспомнил Гитлер. Послушаем директора Управления прусских замков и садов доктора Бурхарда Гереса.

«Ну, это вообще была страшная ситуация, только в мар-

те сорок пятого года Гитлер об этом вспомнил, и, когда он услышал, что вещи в берлинских музеях все еще были в самом Берлине, последовал приказ: срочнейшим образом их вывезти на запад, потому что Красная армия уже стояла ближе Одера. Это были буквально последние минуты, и берлинские музеи, уже независимо от этого приказа, оставили берлинский дворец, который был разрушен. Из подвалов старались вывезти в Потсдам, где еще здания стояли, а берлинский музей отвез тогда вещи в разные шахты».

В Нижней Силезии по приказу Гитлера была построена огромная подземная столица рейха, которая получила название «Ольга S3». Кадры из американской хроники. Все это было найдено на объекте «Ольга S3», в систему которой и входила шахта Меркерс:

- чемоданы со столовым серебром, золотые портсигары;
- золотой запас рейха – сто тысяч тонн, валюта в долларах США;
- голова египетской царицы Нефертити;
- картины известнейших мировых мастеров: Рафаэля, Рембрандта, ван Эйка...

12 апреля 1945 года главнокомандующий американскими вооруженными силами генерал Эйзенхауэр при слабом свете шахтерских ламп осматривал тайник Меркерса.

– Боже! – воскликнул он. Перед ним на глубине 450 метров под землей было аккуратно сложено почти все достояние рейха. По позднейшим американским подсчетам, там было:

- 238 миллионов долларов золотом;
- немецкие бумажные деньги стоимостью в 187 миллионов долларов;
- 110 000 британских фунтов;
- 89 000 франков;
- 4 миллиона норвежских крон;
- 400 тонн произведений искусства из берлинских музеев в 3000 ящиков.

14 и 15 апреля 1945 года американцы поспешно переправляли все найденные ценности с конвоем на грузовиках во Франкфурт-на-Майне, в здание Рейхсбанка, сейфы которого относительно спокойно пережили войну.

Хотя 29 грузовиков с грузом эскортировали пять пехотных взводов, две пулеметные части, десять зенитных орудий, самолеты наблюдения и бомбардировщики «мустанг», тем не менее три грузовика исчезли бесследно. В одном из исчезнувших грузовиков, вероятно, находились 20 довольно ветхих деревянных ящиков, которые с тех пор не смогли обнаружить. На каждом ящике была надпись: *Управление гидротехническим строительством Кенигсберга*, обозначенная красной точкой. Профессор Пауль Ортвин Рабе, ответственный представитель берлинских музеев в шахте Меркерс, с удивлением записал в своем дневнике, что ящики отправляют... раньше, чем личное дорогостоящее имущество Эриха Коха и рейхсминистра Руста. Да, по-видимому, в ящиках было что-то очень важное. Не исключено, что они принадле-

жали Эриху Коху, которому подчинялась гидротехническая служба Кенигсберга. Впрочем, узнать это теперь уже вряд ли удастся.

Генералу Эйзенхауэру показали, что было спрятано в соляной шахте Меркерс

А все, что доехало, поместили в сейфы Рейхсбанка – они единственные сохранились в почти полностью разрушенном городе – это был результат длительных бомбардировок англичанами. Но не все немецкие ценности вывезли в Меркерс. Часть картин была складирована в самом Берлине, в двух похожих башнях – в Зенитной башне во Фридрихсхалле и в зоопарке. Что касается башни, которая была в зоопарке, – тут все ясно. Вот докладная подполковника Маневского, который был руководителем советской трофейной группы. И здесь написано: «Все вывезенные предметы представляют

огромную ценность. Предложение – все фонды центрального хранилища вывезти в Москву». И резолюция начальника – «Согласен». Рассказывает немецкий писатель Гюнтер Вермуш:

«Когда Берлин капитулировал 1–2 мая 1945 года, русские заняли и Фридрихсхалле вместе с Зенитной башней. Между 5 и 18 мая вся башня сгорела. И никто до сих пор не знает, кто там или что там сжег. И в конце концов сказали, что эти 400 с лишним драгоценнейших картин погибли...»

Действительно, в башнях что-то горело. По одной из версий, в башнях остались крупногабаритные картины, которые не смогли складировать в шахте Меркерс, ибо они не помещались в лифт шахты. Господин Вермуш не поленился и познакомился с технической документацией шахты, из чего следовало, что лифт мог вместить картины и крупнее, чем были в Зенитной башне. Вермуш выяснил, что 11 марта после приказа фюрера все картины из Зенитной башни вывезли. Об этом свидетельствовало письмо реставратора Чирха, который и контролировал вывоз этих картин. Пожар был отвлекающим моментом. На самом деле все картины попали в Меркерс, а эта Берлинская коллекция была предложена американцам в качестве «подарка» за то, чтобы они вернули Германии остальные тысячу с лишним картин.

Берлин, 1945 год. Подрыв башни Фридрихсхалле, после которого исчезла ценнейшая коллекция из 400 картин

Интересная и даже увлекательная версия! Позавидовав успеху американцев, мы неожиданно отыскивали документ советской трофейной бригады, работавшей в Берлине в мае 1945 года, – докладную записку все того же подполковника Маневского с просьбой разрешить вывоз обнаруженных ценностей из башни Фридрихсхалле. Меланхоличная резолюция того же начальника: «Согласен». Более подробные сведения – уже в сводном списке ценностей, вывезенных советскими трофейными бригадами из Берлина. Да, ценности из башни Фридрихсхалле в них числятся. Это значит, что кое-что досталось и советским войскам. А скорее всего – все! Директор управления Бурхардт Герес сокрушается: «У нас три тысячи картин, пропавшие только из нашей коллекции, и мы не знаем, где они находятся. В Государственном Эрмитаже и в Музее имени А. С. Пушкина в Москве, там около

ста и сто семьдесят семь, но это – не три тысячи, и мы просто в замешательстве, потому что не можем себе представить, где они могут быть».

Но одну картину нашли. В 1984 году на аукционе Сотбис была выставлена картина Кантарини «Святой Себастьян». Вермуш: «По-моему, 600 000 фунтов». В каталоге утраченных художественных ценностей из Прусского наследия мы находим эту картину.

Герр Вермуш поинтересовался, сколько всего картин о святом Себастьяне написал Кантарини. Оказалось, две – одна из них в Венеции. Две фотографии. На одной – картина из Бременского музея, якобы сгоревшая. На другой – проданная через аукцион Сотбис. Хорошо видно, что отличаются они только повязкой на бедре фигуры святого, и вполне очевидно – дорисованной позже, для маскировки. Имя покупателя аукцион сообщить отказался.

Иоанн Кантарини. Святой Себастьян. Картина исчезла в конце войны из хранилищ Потсдамского музея, но недавно была продана на аукционе Сотбис за 600 000 фунтов

Далее наш путь лежал в Австрию. Конечно, мы посетили любимый город Гитлера – Линц и еще раз порадовались, что фюреру не удалось осуществить свою «голубую» мечту. Но интересовала нас соляная шахта Альт-Аусзее. По дороге, идущей вдоль красивейших озер и радующих живописностью горных вершин, мы приехали в Эбензее. Когда-то здесь был концлагерь. заключенные занимались выработкой горных пород для строительства военных объектов. Живописное, красивое ущелье! О бывшем концлагере напоминает лишь арка лагеря, на месте которого раскинулся престижный поселок довольно дорогих коттеджей. Интересно, сняться ли хозяевам этого элитного поселка обитатели конц-

лагеря?! Любопытно, что самые дорогие коттеджи находятся на территории концлагеря, а дальше от него коттеджи поскромнее. Здесь же неподалеку мемориальное кладбище жертв концлагеря, где постоянно много народу, живые цветы. Приезжающие сюда люди – это родственники погибших узников. Рядом с этой симпатичной горой под названием Лозер, что в переводе означает «Большие Уши», находится теперь всемирно известная соляная шахта Зальцберг-Верке, где была складирована коллекция картин, скульптур, алтарей, предназначенных для музея «любимого фюрера». Неподалеку озеро Альт-Аусзее. Конечно, предприимчивые австрийцы шахту разрушать не стали, а устроили здесь мемориальный музей. По замыслу Кальтенбруннера, заместителя рейхсфюрера СС Гиммлера, шахту должны были взорвать перед приходом американцев. Однако австрийские партизаны сумели уговорить Кальтенбруннера отменить приказ, пообещав ему за это некоторое снисхождение. Но Кальтенбруннер был осужден Нюрнбергским судом и повешен в числе других главных немецких высших преступников.

Американцы сразу же нашли шахту Альт-Аусзее, однако вход в нее был заминирован, и им пришлось потратить время на разминирование. Здесь были складированы ценности, не нуждающиеся в рекламе. Это картины Брейгеля, Рембрандта, ван Эйка, Рубенса, Рафаэля, Вермера, Дюрера, Веласкеса, скульптура Микеланджело «Мария с младенцем», детали знаменитого Гентского алтаря... Нет, конечно, у доктора

После вкус был отмененный, и теперь мы понимаем, насколько грандиозен замысел «любимого фюрера».

А всего американские спецслужбы в шахте Альт-Аусзее обнаружили:

- 5350 картин старых мастеров;
- 220 рисунков и акварелей;
- 1039 гравюр;
- 95 гобеленов;
- 68 скульптур;
- 32 ящика с монетами;
- 128 образцов оружия и рыцарских доспехов;
- 64 уникальных произведения старинной мебели;
- 79 контейнеров с изделиями художественного фарфора

и стекла;

- 237 ящиков с книгами, свитками, рукописями и коллекциями марок.

Все это предназначалось музею фюрера в Линце.

Экскурсоводы с воодушевлением рассказывают, как американцы нашли и вывезли коллекцию. Вот склад, где хранились картины и скульптуры. Здесь же были снаряды и авиабомбы. Ящики подлинные.

В 1935 году в соляной толще был вырублен алтарь. Он тоже сделан из соли. Здесь, как и во всей шахте, сохраняется постоянный климат и температура 7 градусов по Цельсию. Оказывается, это – оптимальные условия для сохранности картин. Одна из висящих в соляном алтаре картин выглядит

совершенно новой, хотя и находится здесь около 70 лет.

Возвращаясь обратно, мы воспользовались деревянной горкой, которая позволяла шахтерам быстро перемещаться на другой уровень. Не будем скрывать, что это путешествие доставило нам удовольствие. На прощание – дружеское фото с экскурсоводом. Милая Миелита, где ты сейчас?! Кого ведешь тропой экскурсий?!.

Рядом с горой Большие Уши проходил веселый деревенский праздник. Полюбовавшись экзотическим оркестром, мы отправились на озеро Грюнзее, где находились роскошные виллы руководителей рейха. Здесь была библиотека фюрера, виллы Кальтенбруннера, Скорцени, Эйхмана, Геббельса, Риббентропа, Тиссо – главаря словацких фашистов и даже русского генерала Власова. Неподалеку – знаменитое озеро Топлитцзее. Скалистые горы окружают это озеро, о котором ходит много зловещих легенд. Газеты и телевидение постоянно сообщают о таинственных кладах, которые лежат на дне озера, о затопленных сокровищах и «золоте нацистов». Тысячи туристов приезжают сюда, чтобы прикоснуться к великой тайне. Здесь им демонстрируют фотографии, на которых запечатлены эсэсовцы, сбрасывающие в озеро какие-то ящики. На специальном стенде – находки искателей, которые не побоялись нырнуть на дно и нашли там ордена, медали, оружие, каски, кинжалы, военную амуницию.

Рекламные фото рассказывают об оборудовании для подводных экспедиций: его можно взять напрокат. Запечатлены

и те, которым посчастливилось найти золотые слитки. Однако подводный мир Топлитцзее совсем не так романтичен, как выглядит на рекламных стендах.

В 1954 году немецкий журнал «Штерн» организовал хорошо оснащенную экспедицию в глубины озера с использованием глубоководного батискафа.

Берега озера отвесно уходят вглубь, достигая стометровой отметки. Дно затянуто многометровым слоем ила, который покрывает затонувшие деревья, какие-то ящики, обломки снарядов, орудий, ракет и даже фрагменты самолета-амфибии.

Ганс Фрике, который руководил этой экспедицией, был биологом. Определив, что на дне озера нет кислорода и, соответственно, никакой жизни, он решил исследовать озеро с целью обнаружения захороненных там ценностей. И ему многое удалось найти. Как выяснилось, на берегу озера работал секретный институт по разработке ракет дальнего действия. Запуск их предполагалось производить с подводной лодки на глубинах до 100 метров. Это была одна из надежд Гитлера, с их помощью он надеялся добиться перелома в ходе войны. Аналогичные надежды, как мы знаем, возлагал фюрер и на разработку баллистических ракет ФАУ-1 и ФАУ-2, которые, правда, долетали до Лондона, но не все – и не смогли сколько-нибудь серьезно навредить Англии. Зато в другой акции против Англии фюрер преуспел больше. На дне озера в большом количестве находились английские

фунты стерлингов, которые ничуть не пострадали, ибо, как мы уже говорили, там совершенно не было кислорода, а только сероводород, препятствующий гниению.

Расследование показало, что неподалеку от Топлитцзее находился небольшой концлагерь, где узников собирали по определенному принципу – они были художниками, графиками, печатниками или, в крайнем случае, фальшивомонетчиками. С немецкой скрупулезностью был налажен процесс изготовления купюр английского фунта стерлингов – достоинством в 5, 10 и 20 фунтов. Операцией руководил эсэсовец Бернгард Крюгер, и она получила название «Бернгард». 150 заключенных работали день и ночь и сумели изготовить столько фунтов стерлингов, что они составили до одной трети всего бюджета Англии. Чтобы купюры были похожи на бывшие в употреблении, их специально перетирали смесью из песка и земли. Условия жизни заключенных были улучшены, чтобы добиться наибольшей производительности. Большинству заключенных удалось дожить до освобождения после прихода американских войск. И некоторые из них приезжали на озеро, чтобы вспомнить свою лагерную жизнь.

Влекомый романтическими воспоминаниями, неожиданно приехал и бывший руководитель концлагеря Бернгард Крюгер. Его никто не задерживал, и даже наоборот, пригласили принять участие в одном из погружений батискафа «Штерна». Бернгард подробно комментировал появляю-

щиеся за окнами батискафа объекты, а затем почему-то заявил, что считает себя потерпевшим от нацистов. Впрочем, он прожил до 1989 года и ни в чем не нуждался.

Фальшивые фунты шли на оплату шпионских операций. Ими наводнили и саму Англию. Качество купюр было безупречно. Многие из них прошли проверку в швейцарских банках. О хождении поддельных купюр власти Англии, конечно, знали, но держали это в тайне, чтобы не вызвать паники и обвала экономики. Кое-какие суммы гитлеровцы прихватили с собой, когда бежали после войны в Южную Америку. Часть поддельных купюр оказалась на счетах швейцарских банков. Так, руководитель всей этой программы Фриц Швенд, который распределял фальшивки, положил в банк Швейцарии больше миллиона фунтов.

Банк Англии до сих пор отказывается сообщить сумму изготовленных немцами фальшивых денег. Впрочем, уже в наши дни наиболее упорные и терпеливые ныряльщики нашли несколько ящиков с фальшивыми английскими фунтами стерлингов. Они прекрасно сохранились и вполне пригодны для платежа.

Чтобы поддержать интерес публики, нынешние хозяева иногда устраивают сюрпризы. Вот удачливый искатель – он вытащил со дна озера сундук. Когда его вскрыли, оказалось, что он наполнен крышками от современных пивных бутылок.

Есть данные, что на глубине Топлитцзее все-таки хра-

нится большое число слитков так называемого «нацистского золота». Экспедиция журнала «Штерн» обнаружила на дне большое количество скальных пород, нагроможденных, совершенно очевидно, мощным направленным взрывом. Сдвинуть эти скалы без применения мощной современной техники невозможно. Но если дело в технике, то еще не все потеряно – отправляйтесь на Топлицзее и попытайтесь найти хотя бы пару золотых слитков.

Желаем удачи!

Глава третья, в которой мы узнаем, что происходило в оккупированном Пскове, почему немцы ценили икону Тихвинской Божией Матери и как польский король Стефан Баторий спровоцировал создание новой русской святыни

В предыдущей главе мы узнали:

– многие художественные ценности были эвакуированы из немецких музеев в последний момент, перед приходом американской и Советской армий;

– довольно большое число немецких картин и скульптур до сих пор не вернулось в свои музеи, хотя местонахождение их хорошо известно;

– советские архивы позволяют проследить путь трофейных ценностей;

– в соляной шахте Меркерс американцы обнаружили колоссальные ценности и успели их вывезти прежде, чем эта зона перешла под управление Советской армии;

– в австрийской шахте Альт-Аусзее

*обнаружили коллекцию музея фюрера, а на озере
Топлицзее, если постараться, можно и сегодня
найти золото нацистов.*

«А о городе Пскове в летописании не находится упоминания – кем был создан и какими людьми. От начала же Русской земли этим городом Псковом никакой князь не владел, но бывшие в нем люди жили по своей воле», – гласят псковские летописи.

«Вначале из Пскова немцы вообще ничего не собирались вывозить, – пишет искусствовед Наталья Ткачева. – После войны Псков должен был стать учебным пространством для рейха, а все культурные ценности остаться на местах. И разграбление строго пресекалось.

В феврале 1942 года представителями главной рабочей группы фиксируется масса нарушений, в том числе пропажа большого количества ценного фарфора из музейного хранилища, целый ряд отчуждений музейных предметов, как продаж, так и различных дарений. По определению составителей отчета, комендант города зондерфюрер де Бари считает, что музейная собственность является трофеями, распоряжаться которыми может только полевая комендатура по собственному усмотрению. У специалистов группы, проводившей обследование, создается очень неблагоприятное впечатление о состоянии дел в Пскове, и они находят нужным сообщить свои выводы в высшие инстанции. В беседе с де Бари они подчеркивают, что музейная собственность в результа-

те деятельности графа Зольмса однозначно стала общественной собственностью, и указывают де Бари на то, что многие выявленные факты, по их мнению, являются серьезными нарушениями, которые, прежде всего, создают неприятное впечатление у местных русских. Должна быть предпринята срочная действенная защита всех фондов музея и его хранилищ. Подчеркивается, чтобы ни в коем случае не осуществлялись отчуждения на подарки, награды и продажи. В своих письмах де Бари пытается опровергнуть многие обвинения штаба, и вообще, по его утверждению, объем ущерба завышен и раздувание всей этой истории дискредитирует немецкую военную власть в городе. Тем не менее де Бари вынужден, в соответствии с рекомендациями, составить список немецких офицеров, купивших предметы искусства в Пскове в период с ноября 1941 по январь 1942 года. В итоге, уже в апреле 1942 года было решено предпринять меры по розыску и возврату изъятых ценностей.

Несколько по-другому выглядит проблема отчуждений в истории с коллекцией бабочек из Пскова. Происходила коллекция, вероятно, из естественнонаучного музея и была достаточно значительной. По поводу нее по крайней мере в течение полугода шла переписка между обер-бургомистром города Франкфурта-на-Майне, желающим ее заполучить, и соответствующими инстанциями. 1 июня 1942 года один из руководителей штаба RR доктор Цайсс отвечает категорическим отказом. Но уже в октябре 1942 года настойчивый

обер-бургомистр все-таки добивается разрешения на передачу ему коллекции, и она изымается из музея».

Военный комендант де Бари чувствовал себя меценатом, он заказал свой портрет местному художнику, щедро одаривал иконами знакомых и родственников. Из Берлина поступил строгий приказ: все вернуть, пересчитать, а де Бари получил взыскание. Впрочем, его щедрость имела и позитивный результат: часть икон он раздал по открытым во время войны церквям, откуда они после войны вернулись в музей.

Заглянем в знаменитую картотеку Z, где собраны карточки на все объекты, которые немцы на оккупированной территории обследовали и описали.

Вот карточка P82:

Псков

Иконы

Руководитель осмотра доктор Кунце

23 ноября 1941 года.

Около 700 икон изъяты из церквей. 500 находятся частью в золотой часовне, некоторые в музее, некоторые возвращены обратно в церкви, часть забрали солдаты.

На все ценности, которые вывезли немцы из Пскова, был составлен подробный список. На каждом экспонате был соответствующий номер, что позволяло проследить путь его эвакуации. Благодаря этому вывезенные вещи были опознаны и вернулись в Псков, но не все. Часть экспонатов попала в другие музеи. Кое-что чужое – в музей Пскова.

1941 год. Немцы быстро захватывают Тихвин и радуются. В их руки попало большое месторождение бокситов и переходящее Красное Знамя колхоза. Но, кроме бокситов, из Тихвинского монастыря они вывозят знаменитую икону. Среди архивных документов RR – оперативного штаба Розенберга – есть справка об истории иконы. Из нее следует, что на протяжении многих веков икона Тихвинской Божией Матери была для русского народа чудотворной святыней.

Такое внимание немцев к иконе объяснить просто. Поскольку церковь была врагом большевизма, значит, церковь следовало поддерживать.

А вот удивительная хроника – прибытие Тихвинской иконы в Псков. Представитель вермахта передает икону наместнику Псково-Печорского монастыря игумену Павлу Горшкову. Черная, монолитная толпа прихожан следует крестным ходом за святой иконой. Вглядимся в эти лица – какая пронзительная тоска и растерянность... Они не знают, как жить дальше...

Немцы открыли многие церкви Пскова и сам Троицкий собор, в котором проходили регулярные службы с утра и до вечера. По воскресеньям икону приносили в Троицкий собор. Затем возвращали обратно. Конечно, драгоценная икона от этого пострадала, хотя и была защищена киотом и целлофаном, проложенным между живописью и окладом. Тем не менее ее нельзя было изъять из обращения в политико-пропагандистских целях.

Для любознательных немецких солдат издали путеводитель, где среди главных достопримечательностей – сама икона и Троицкий собор, в который ее привозили. Немцы печатают и свои марки с тем же изображением.

Жизнь немецких солдат в Пскове, по-видимому, располагала к романтике, и некоторые из них, художественные натуры, даже делали зарисовки видов Пскова. Хайн Апель, очевидно, под воздействием нахлынувших воспоминаний, недавно прислал в Псков свои рисунки. В письме описываются ностальгические переживания Хайна с легкими сожалениями о неприятностях, доставленных жителям города его пребыванием. Вот что пишет наш художник:

Это – картина, которая не передает переживания фронта. Эти рисунки показывают разрушенную страну, которой война нанесла раны, но не утрачен след спокойного времени. Лениво несут свои воды реки, убогие дома стоят по обочинам деревенских улиц, далеко за горизонт простирается равнина – там стоит немецкий солдат, и его глазами в этих рисунках мы видим образ Востока.

Так философски завершает свое письмо Хайн Апель. Те, кто рисовать не умел, пользовались фотоаппаратом. Фридрих Цвигель прислал в музей свой фотоотчет о пребывании в Пскове в 1941–1942 годах. Другой любитель фотографии через своих родных подарил довольно объемистый альбом со следующими сюжетами:

- Мост, чудом уцелевший, через реку Великая.
- Полуразрушенные храмы.
- Мирные жители на своих огородах.
- Местные красавицы.
- Милые зарисовки будничной жизни Пскова. Оказывается, и маникюр можно было сделать.
- Букет для любимой.
- Фото с подружкой...

Однако время романтических прогулок подходило к концу, и немцы стали спешно готовиться к отступлению на запад. И, конечно, захватили с собой все заслуживающие внимания ценности. Среди них были иконы из Новгорода, Пскова, икона Тихвинской Божией Матери, которая из-за уникальной ценности во всех эвакуационных списках значилась отдельно.

Но прежде чем отправиться из Пскова на Запад, расскажем еще одну историю – о другой иконе, также из Троицкого собора. История иконы полна чудесных событий, драматических поворотов в судьбе Пскова и самой иконы, длительного пребывания на чужбине, счастливого обнаружения, высокого участия руководителей Германии и России и, как говорится, долгой дороги домой. Вполне счастливой. Но обо всем по порядку.

Древний Псков. Именно здесь, на территории современного кремля, и началась история русского православия еще до того, как состоялась массовая акция крещения Руси кня-

зем Владимиром. Еще со школы мы все помним имя русской княгини Ольги, жизнь которой была связана со Псковом, Киевом, со строительством Русского государства. И сегодня идут споры, к чьей истории Ольга больше принадлежит – к русской или украинской. Ясно одно: Ольга заложила первый христианский храм на месте нынешнего Троицкого собора.

Мы вошли в собор и попросили священника Андрея Таскаева рассказать об истории храма. «Начало нашему основанию, нашему собору положила святая равноапостольная княгиня Ольга Российская. В 953 году она принимает крещение в Константинополе и по возвращении во Псков устраивает множество часовен, поклонных крестов. Но вот когда она вернулась на свою родину, то по наитию, по особому наитию Божьему, она увидела видение, которое ознаменовало построение здесь первого тогда храма в честь Святой Троицы, ведь Русь была языческая. Она предлагает христианам стекаться к этому храму, тем самым положив основание первому городу христианскому. Если вы хотите к Пресвятой Матери Божией – езжайте в Киев, хотите посетить Дом Премудрости Божьей – езжайте в Новгород. А хотите быть гостями в доме Божьем на русской земле – езжайте в Псков. Иконостас храма тоже уникален: он является полным, то есть все, что приписывает Устав о построении иконостаса, какие иконы должны быть в нем, сколько должно быть рядов, каким должно быть написание, – это все воплотил наш иконо-

стас. И по нему даже можно учиться, как нужно устраивать иконостасы в других храмах».

Таскаев подходит к иконе Покрова Богородицы: «Икона для нас является самой, наверное, дорогой. Потому что она недавно обретаена нами.

Очень слезно мы ее ждали. Это Псково-Покровская икона Матери Божией».

Вот об этой-то иконе и о чуде пойдет наш рассказ. Причиной создания этой русской святыни стала осада польским королем Стефаном Баторием Пскова.

В летописи «Сказание о видении Дорофея» – она частично изображена на иконе – говорится, что иноку Дорофею, который проводил свою жизнь в неустанных молитвах в Покровском монастыре, ночью явилась Дева Мария. Но, конечно, все происходило по воле Всевышнего. Богоматерь шла со стороны Печерского монастыря в сиянии, мимо Мирожского монастыря, поддерживаемая Антонием и Корнилием, и остановилась у Покровской башни. К ней обратились святые с мольбой о спасении города. Богородица дала конкретные указания: куда поставить какую пушку, а куда – какого пушкаря. Немедленно все было исполнено. Наутро Баторий дал приказ наступать. Поляки проломили стену и проникли на территорию кремля.

Однако навстречу им вышла Богородица в окружении святых. Вид ее был грозен и не предвещал ничего хорошего. А что происходило в стане Батория, мы можем увидеть на

другой иконе, так сказать, «внучке» этой нашей. Вот одна из пушек, брошенных поляками. Стан Батория перед сражением. Солнце внимательно наблюдает за битвой. И сама битва. Поляки задумались и неожиданно бросились бить друг друга. А пораженный этим видом Баторий потом вспоминал: «Мы должны были уже торжествовать над Псковом, и наши знамена подняться над стенами города, вдруг войска увидели Преславную Царицу над городом в грозном виде и в окружении множества воинов».

«Вот это грозное видение, – завершает свой рассказ Таскаев, – устрасило войска Стефана Батория. Они с криком бежали из города. Когда псковичи узнают об этом великом чуде, что Матерь Божия заступилась за Псков, они повелевают написать эту икону и называют ее Псково-Покровской, то есть псковский покров Матери Божией». В Пскове до сих пор остались часть исторической стены и памятник о том событии.

Самое удивительное ожидало нас в Королевском дворце Варшавы. Пред нами предстала огромная картина Яна Матейки «Взятие Пскова Стефаном Баторием». Беглого взгляда достаточно, чтобы убедиться: Стефан Баторий одержал блистательную победу под Псковом.

Так кто же победил на самом деле? Вот прекрасный пример того, что ход истории зависит от того, кто ее рассказывает.

Сегодня икона находится в Троицком соборе, однако, что-

бы вернуть ее, потребовались почти 60 лет поисков, расследований, участие многих людей, включая руководителей России и Германии. И для рассказа об этом отправимся в Бремен, на родину великих сказочников братьев Гримм. Толпы туристов любят живописным памятником знаменитым бременским музыкантам в самом центре города. Достаточно подержать обеими руками ноги осла – и все у вас будет в полном порядке. В Бремене мы хотели узнать о судьбе знаменитой Балдинской коллекции и для этого посетили доктора Айхведе в Институте Восточной Европы. Поделились с ним радостью от встречи с псковской иконой. Совершенно неожиданно он показал нам фотографию иконы и рассказал, как она была найдена и возвращена.

Айхведе начал историю с энтузиазмом: «Я общался с Министерством культуры в Москве и получил каталог выставки иконы в частных коллекциях в Германии. И ваше министерство, надо тоже сказать, это – прекрасная работа...»

Порадуемся за наше министерство, но все-таки вначале работа была проведена в Псковском музее – лет 20 тому назад, и об этом хорошо помнит Наталья Михайловна Ткачева: «Савелий Васильевич Ямщиков, известный искусствовед, реставратор, пропагандист искусства, он в 70-е годы начинал переговоры по поводу Богородицы Псково-Покровской. Он выяснил, что она находится в частной коллекции в Западной Германии, в Баварии. И вроде бы даже владелец тогдашний был не против – он хотел обмена. Но в то время,

конечно, это было трудно осуществить».

Доктор Айхведе продолжает: «Меня спросили: «Это возможно найти, потому что у нас только копия каталога, владельца нет, поэтому как найти?»» «Профессор Айхведе написал устроителям выставки в надежде узнать имя владельца. Однако они, ссылаясь на анонимность коллекции, отказались его сообщить. Интересно, что выставка икон была в том самом Музее нового немецкого искусства, где нацисты устраивали свои экспозиции. Но одна зацепка все-таки была.

Владелец иконы проживал в деревушке Берхтенгаден. Это место всемирно известно, поскольку в нем обитал наш главный герой Адольф Гитлер. Какое-то мистическое совпадение: владелец иконы Покрова Богородицы жил именно здесь! Но жил он, конечно, в укрепленном замке, известном как Орлиное Гнездо. Здесь гостеприимный фюрер принимал своих соратников, устраивал светские рауты. Здесь жила прелестница Ева Браун, а в саду резвились дети и собаки. И все было так мило, замечательно, очаровательные виды белеющих вершин Альп, прозрачный горный воздух, оздоровительные прогулки по окрестностям... Нет, правда, все здесь было хорошо! Если забыть о том, что происходило за пределами этого поместья...

Американцы старательно разрушили Орлиное Гнездо, это знаковое сооружение, чтобы ничто не напоминало о его бывшем хозяине. Но небольшой такой, неприметный музейчик все-таки остался.

Три года тому назад на месте Орлиного Гнезда неожиданно началось строительство пятизвездочного отеля системы Интерконтиненталь. Сегодня он принимает первых постояльцев. За право взглянуть из своих апартаментов на бывшее убежище фюрера нужно заплатить всего 2 тысячи евро в день. В престижном модном журнале «Хайстайл» вот так рекомендуется этот «идиллический уголок»: «Берхтенсгаден – это не снежный пик, это удовольствие!» При этом не уточняется, следует ли считать это удовольствием и для тех 70 миллионов жертв, уничтожением которых руководил фюрер из этого убежища.

Но вернемся к доктору Айхведе: «Я нашел очень старую женщину, ей тогда уже было девяносто семь лет, у нее в комнате и была эта великолепная икона из Пскова. Я сразу понял, что это очень ценная работа, и эта женщина мне рассказала, что после войны бывший офицер предлагал купить эту икону. Офицер сказал, что эта икона из Сербии и что эта икона защищала его во время Первой мировой войны в Сербии. Но они поняли, что эта икона не из Сербии, а из России, из Пскова. По-моему, они заплатили за эту икону тогда две тысячи триста немецких марок. Это, конечно, мелочь, это ничего. Эти люди купили икону в Вюрцберге, это совершенно недалеко от замка Койнберг, а в замке Койнберг немецкие штабы во время фашизма хранили иконы, которые они конфисковали или украли в России.

После войны американская оккупационная власть орга-

низовала так называемые «коллектинг пойнте» – сборные пункты в Мюнхене, и они транспортировали все сокровища из замка Койнберг в Мюнхен, но один грузовик потерпел аварию и перевернулся в кювет.

Я потом говорил с людьми из этой деревни, и они мне сказали, как потом нашли какие-то вещи и сохранили их у себя. Я сам убежден, что эта икона, по всей вероятности, выпала из грузовика. Или были люди, которые на территории Германии украли опять – во второй раз – эту икону! Очень даже возможно. Эта женщина, конечно, влюбилась в эту икону, особенно после смерти мужа, потому что это была совместная акция, это – воспоминания. И она была убеждена, что икона – святая, и не хотела ее отдавать. В конце концов, она согласилась с тем, что икона должна вернуться в Россию, в церковь. Боннское правительство передало ей определенную сумму, не такие уж большие деньги, несколько тысяч, и совсем недавно в присутствии вашего президента и нашего канцлера эта икона была передана православной церкви».

И все было замечательно: икона была доставлена патриарху, отслужили благодарственный молебен. Патриарх пообещал узнать, из какой она церкви, и вернуть ее туда. В Пскове готовились к приему святой иконы. Составляли списки почетных гостей, церемонию благодарственного молебна и шествия с вновь обретенной Богоданной иконой.

Однако с церемониями пришлось повременить. Дни шли за днями, месяцы за месяцами, а икона все не приезжала из

Москвы. Пошли слухи, что она должна войти в новый музей икон в восстановленном храме Христа Спасителя. Спустя год немецкая телекомпания и пресса сообщали: икона до сих пор не возвращена в Псков, что вызывает возмущение в Германии и России. Немецкая газета «Берлинер цайтунг», другие средства массовой информации подробно освещали кампанию за возвращение иконы в Псков.

Наталья Ткачева радостно завершает: «Ну и вот, в результате, через год после возврата в Россию ее торжественно привез наш архиепископ Евсевий, и с крестным ходом она была доставлена в Троицкий собор. И теперь, слава богу, она у нас».

В голосе Ткачевой звучит некая грустинка: она надеялась, что икона вернется в их музей, откуда была изъята немцами. Но сегодня, конечно, на это надеяться не стоит.

Глава четвертая, где мы познакомимся с доктором Альфредом Розенбергом и узнаем, какие неприятности ожидали его в оккупированном Киеве

В предыдущей главе мы узнали:

– Псков стал сборным пунктом, куда немцы свозили все реквизированные ценности,

– туда была доставлена икона Тихвинской Божией Матери, которая пользовалась особым почетом, усиленно охранялась и привозилась на службу в Троицкий собор;

– здесь мы познакомились с прекрасной иконой Псково-Покровской Богородицы;

– история создания этой иконы удивительным образом связана с нашествием Стефана Батория на Псков;

– пребывание в оккупированном Пскове настраивало некоторых немецких солдат на романтический лад, а доктор Айхведе рассказал, как была найдена икона из Пскова.

Мы с вами уже знаем, что ответственную работу по грабежу ценностей на оккупированных восточных территории-

ях выполнял рейхсминистр (рейхсляйтер) доктор Альфред Розенберг. Это был не рядовой грабитель ценностей, а даже, можно сказать, философ-теоретик. Еще до прихода фашистов к власти он написал книгу, из которой следовало, что единственно, кто заслуживает места на Земле, – это люди нордической расы. Да, да, именно Розенберг, а не доктор Геббельс явился автором этой замечательной теории. Ну а дальше уже друзья-единомышленники, ободряемые любимым фюрером, продвигали эти идеи в массы. На Гитлера Розенберг произвел неизгладимое впечатление своим глубокомыслием и умением формулировать самые сложные материи, которые все-таки не всегда были понятны фюреру, что, впрочем, вызывало у него дополнительное уважение.

Альберт Шпеер, любимый архитектор Гитлера, в своих «Воспоминаниях» пишет: «Розенберг распродал свою 700-страничную книгу «Миф XX века» сотнями тысяч экземпляров. В общественном мнении она воспринималась как основополагающий труд партийной идеологии. Но Гитлер во время чаепитий отзывался о ней как о «вещи, которую никто не поймет», написанной «неким узколобым прибалтом со страшно усложненным образом мышления». Он все удивлялся, что такого рода книга смогла заполучить такие тиражи: «Это же шаг назад, в средневековые представления!»

Это не помешало фюреру на практике последовательно внедрять человеконенавистнические идеи Розенберга в

жизнь. И чтобы ни у кого не было сомнений, он назначил Розенберга главным партийный идеологом.

А вот что думает о книге Розенберга владыка Амвросий: «Отношение к книге юмористическое. Она – не немецкая, а французская по фактуре, т. е. в высшей степени несерьезная. К самому Альфреду (по правде, Александру Викторовичу!!!) Розенбергу отношусь с уважением, но не более. Учился он где-то в Москве несколько месяцев, а в 1918 году вступил в компартию, и его принимал Фурманов! Вот как бывает».

Книга рейхсминистра по восточным территориям. Именно Розенберг выдвинул теорию превосходства арийской расы. А все остальные ее только объясняли

Александр Викторович Розенберг был сыном прибалтийского помещика. Его род происходил от тевтонских псов-рыцарей, которые в средние века захватили территории Балти-

ки, и молодой Розенберг с гордостью называл себя немцем. До революции он учился в России, на архитектурном отделении Рижского политехникума, а затем сбежал и присоединился к белоэмигрантам, которые воевали в Прибалтике. В 1919 году Розенберг внезапно появился в Мюнхене, где проводил время в пивных, часами просиживая за столиком в углу. Небольшая группа белоэмигрантов регулярно собиралась в Мюнхене слушать ядовитые тирады Розенберга против евреев и коммунистов. Он одинаково хорошо говорил на русском и немецком языках. И его слушатели горячо разделяли черносотенные взгляды оратора относительно вырождения демократии и существования международного заговора евреев.

«Почти всякий еврей – большевик, – уверял наш теоретик. – Спасение мира от выродившейся еврейской демократии и большевизма должно прийти из Германии... И долг основателей нового государства – создать ассоциацию людей согласно принципам Тевтонского ордена... Раса немецких сверхчеловеков призвана завоевать весь мир. Основная идея мировой истории воссияла с севера от голубоглазой белокурой расы, которая своими завоеваниями определила духовный облик мира».

Воодушевленный заманчивой идеей мирового господства, фюрер после вторжения в Россию назначил Розенберга министром оккупированных восточных территорий. И руководимый нашим героем оперативный штаб, конечно, сумел

сделать многое. Достаточно сказать, что большая часть вывезенных из Советского Союза и Польши ценностей прошла через руки его многочисленных сотрудников.

Так случилось, что обширный архив деятельности доктора Розенберга оказался в Киеве. Конечно, здесь нет никаких конкретных заслуг киевской администрации. Когда вывозились из Германии разного рода документы, архивы, Киеву повезло – он стал обладателем самого полного, самого ценного собрания различного рода документов: кто, откуда, у кого, когда, какими путями и по какому адресу вывозил ценности. Архив Розенберга совершенно доступен для всех желающих, и каждый, кто захочет что-нибудь узнать о своих похищенных во время войны ценностях, может сделать это совершенно бесплатно. Вот и мы прониклись чувством искренней благодарности к доктору Розенбергу, ибо его архив во многом помог нам раскрыть ряд потрясающих историй.

Ноябрь 1941 года. Доктор Розенберг срочно прибывает в Киев. В его архиве сохранился любопытный документ тайной слежки агентов гестапо.

Донесение начальника рабочей группы Украины в Киеве отделу учета и контроля штаба Розенберга в Берлине от 1 июня 1943 года.

Слухи, связанные с посещением рейхсляйтера (Розенберга).

Наш агент службы безопасности М. доложил, что, в связи с посещением рейхсляйтером Розенбергом

1.06.43 г., в среде городского населения возникли различные слухи. За несколько дней до прибытия рейхсляйтера в Киеве ничего не было известно ни о чем бы то ни было приезде, ни о том, кто приедет. Среди населения возникли слухи, что в воскресенье 6 июня 1943 года будет оглашено важное сообщение. Стало известно, что в этот день театры должны быть закрыты. У многих это вызвало подозрение, не имеет ли предстоящее сообщение траурного характера. В пятницу и субботу слухи обрели конкретную форму: говорилось, что ожидаемая декларация имеет отношение к форме управления на Украине. Более того, будет оглашено воззвание об автономной и даже самостоятельной Украине, что во главе украинского правительства будет поставлен известный Дорошенко. С подробностями говорилось, что для предстоящих торжеств по поводу провозглашения

независимой Украины из театров будут вынесены желто-голубые знамена и они будут установлены на предприятиях. Подобные сообщения с особой энергией и большой уверенностью распространялись лицами, принадлежащими к украинским националистическим кругам. Приведенные слухи не имели никакого отношения к рейхсляйтеру тем более что о его приезде не было известно ничего определенного до самого его прибытия. Наряду с декларацией о новой системе управления ожидалось и другие, также важные сообщения о политике на Украине. Более того, говорили, что программа пребывания рейхсминистра и провозглашения независимой Украины была изменена в самый последний момент по неизвестной причине.

По поводу приезда в Киев было сказано в речах Шпеера и д-ра Геббельса, произнесенных в субботу 5 июня 1943 года.

Среди большинства населения из простонародья, ничего не слышавших о приезде рейхсминистра, осталось убеждение, что продолжительное закрытие театров и базаров 6.06.43 означает день траура.

Однако доктор Розенберг не собирался провозглашать самостийную Украину, и его визит был связан с расследованием громкого и неприятного для немцев скандала. Спецвыпуск киножурнала «Вохеншау» запечатлел торжественное прибытие рейхсляйтера на киевский вокзал. Многочисленная свита сопровождает Розенберга, выражая ему знаки подобострастного внимания. На двух фотографиях – доктор

Розенберг на развалинах всемирно известного Успенского собора Киево-Печерской лавры. Интерес доктора был отнюдь не праздным, он был связан с шумной и скандальной историей разрушения этого собора – надо было зафиксировать утрату для рейха значительных ценностей, погибших во время взрыва, и разобраться, кто виноват.

Попробуем разобраться в этом и мы. Благодаря найденным в архиве Розенберга документам и фотографиям у нас впервые есть возможность представить читателям уникальный, ранее не известный материал. Как только немцы вошли в Киев, в городе, в разных районах, стали периодически происходить странные взрывы. На следующий день после взятия Киева воодушевленное победой руководство вермахта решило оглядеть завоеванный им город. Лучшее всего это было сделать со смотровой площадки Киево-Печерской лавры. На площадку поднялся штаб командующего артиллерией и сам барон Ганс-Генрих фон Зейдлиц унд Голау. Предвидя такое развитие событий, где-то неподалеку, в кустах их терпеливо ждали. Едва окинув восхищенным взглядом панораму города и Днепра, весь штаб во главе с начальником взлетел на воздух. Все погибли.

Послушаем украинского историка Сергея Кота: «Взрыв был страшной силы, потому что смотровая площадка – это восьмиметровый монолит, его разнесло вдребезги. Такой силы был заряд. Это является подтверждением того, что территория лавры была заминирована советскими спецподраз-

делениями.

Вопрос о взрывах и диверсиях в Киеве, в частности на Крещатике, неоднократно обсуждался в ставке Гитлера. Фюрер просто в ярость приходил от известий, что нет спокойного тыла, потому что Киев должен был стать тыловым городом немецкой армии. Ситуация, которая сложилась в сентябре и начале октября, – это постоянные взрывы и пожары. Каждый день – новый взрыв и новый пожар. Имеются документальные свидетельства о панике, которая посетила киевское подполье после взрыва на Крещатике, потому что там были явочные квартиры со спрятанными рациями, продуктами питания, боеприпасами и оружием. И все это погибло во время взрывов, а подпольщики, закладывавшие тайники, даже не знали, что другие специальные подразделения заминировали эти здания. Перепуганные киевляне стали обращаться в немецкую комендатуру и местную полицию, в городскую управу с просьбой обследовать подвалы домов, в которых они жили, и немцам удалось обезвредить большинство мин, которые были заложены по Владимирской улице».

Немецкая кинохроника подробно и обстоятельно снимала весь этот непредсказуемый хаос, который никак не удалось контролировать. Счастливые солдаты успели вынести из бывшего музея Ленина взрывчатку до того, как она взорвалась. В музее Ленина было обнаружено 3500 килограммов динамита. Подрыв этого здания означал бы полное разрушение домов в радиусе одного километра.

«Мирная жизнь киевлян неожиданно прерывалась взрывами в соседних домах, – продолжает рассказ Сергей Кот, – ситуация была непредсказуемая, видимо, на это и рассчитывали части Красной армии, заложившие мины.

В Киев прибыл гауляйтер Эрих Кох. Его взгляды на будущее Украины как оккупированной территории радикально отличались от взглядов тех либеральных немецких политиков, которые предлагали Гитлеру сделать ослабленный режим на Украине с тем, чтобы получить украинцев себе в возможные союзники. Так вот, Кох считал, что украинцы – это не люди, это низшая раса, это рабы и их удел – освободить эту территорию для немецкого жизненного пространства. Разобраться было сложно, потому что к некоторым взрывам, безусловно, были причастны и партизаны, как, скажем, к этому, на смотровой площадке».

Немецкие солдаты вовремя успели вынести из музея Ленина в Киеве ящики со взрывчаткой

Хроника запечатлела впечатляющую картину огня, охватившего целый квартал в центре Киева. «Бригады пожарных были вооружены специальными брандспойтами. В Киеве не оказалось достаточно большого шланга, чтобы можно было черпать воду из Днепра. Из Кракова срочно доставили огромный шланг, через который из Днепра качали воду, используемую при тушении пожара. И сохранились свидетельства, что в этот момент советские подпольщики резали, дырявили этот шланг – потому что он проходил по склонам Днепра – через кусты, деревья, то есть можно было подкрасться незамеченным и не дать немцам тушить эти пожары».

Особенно загадочна гибель знаменитого Успенского собора Киево-Печерской лавры. Сегодня в лавре можно насладиться великолепием Успенского собора. Но, конечно, это не тот Успенский собор, который был до войны. Это, как говорят, «новодел». А тот, первоначальный, был взорван при таинственных обстоятельствах. Хроника запечатлела один из дней заседания Нюрнбергского трибунала, расследовавшего преступления фашистской Германии на территории СССР. В том числе и преступления против культуры. На Нюрнбергском процессе государственное обвинение от СССР в число злодеяний фашистов включило и уничтожение святыни русского народа – Успенского собора, построенного в XI веке великим князем Святославом и расписанного внутри заме-

чательным художником Верещагиным.

Но вернемся к взрывам, которые продолжались в Киеве даже спустя два месяца после оккупации. Последней каплей, переполнившей чашу терпения фюрера, был мощный взрыв, произошедший 1 ноября 1941 года в городской управе на Крещатике, в здании бывшего горкома компартии Украины. В управе скопилось большое число граждан, пришедших зарегистрироваться на бирже труда. Сегодня этого здания нет, а на его месте находится Майдан Незалежности, так хорошо известный после «Оранжевой революции». «В тот день десятки тысяч киевлян явились по немецкому требованию, для того чтобы их записали и определили на какую-либо работу, – продолжает Сергей Кот. – И не явиться было нельзя, потому что все приказы немецкой оккупационной власти заканчивались одним и тем же пунктом: «За неисполнение – расстрел». Поэтому люди пришли. Были колоссальные жертвы среди мирного населения». На следующий день, 2 ноября, в отместку, немцы устроили облаву на улицах Киева и арестовали 300 случайных прохожих. Все они были объявлены скрывающимися комиссарами, вывезены в Бабий Яр и расстреляны. А 3 ноября Киевскую лавру посетил словацкий фашистский лидер Тиссо. Он приехал в лавру около половины двенадцатого и уехал через час. А еще через час внутри собора произошел небольшой взрыв. Один из дежурных полицейских заметил трех посторонних, которые бросились бежать. Их застрелили. А через несколько минут после этого

произошел грандиозный взрыв, который разрушил все здание собора. Рассказывает Сергей Кот: «Говорят, это партизаны и подполье хотели в момент визита Тиссо нанести удар и привели в действие взрывное устройство, но что-то у них не получилось, и было все это сделано с опозданием на два часа».

Трупы трех партизан долго лежали неубранными под руинами рухнувшего собора – 19 декабря один венгерский офицер сфотографировал их. С другой стороны, есть удивительно четкие и наверняка заранее поставленные снимки, как разрушался Успенский собор. Вот пять фотографий, на которых с единственного существовавшего тогда моста через Днепр хорошо видно, как взрывался Успенский собор.

К известному нам доктору Айхведе лет десять тому назад пришла дочь одного из военных, который служил в Киеве в 315-м батальоне, входившем в состав войсковой полиции «Россия – Юг». Она передала доктору Айхведе эти фотографии и сообщила хорошо запомнившиеся слова отца, который, показывая фото, сказал: «Мы сделали это!»

Сергей Кот продолжает свой рассказ: «В немецких архивах найдена записка немецкого эксперта, фамилия которого скрывается под сокращением «доктор Б. Р.». Он пишет о том, что обеспокоен и возмущен планами взрыва Успенского собора, а это как раз конец октября, когда тема взрывов очень активно обсуждалась в ставке Гитлера, и он считает, что Успенский собор – это выдающийся шедевр мирового

искусства и что, конечно же, его уничтожение принесет колоссальный вред и мировой культуре, и отношениям с украинским населением, для которого Киево-Печерская лавра – это большая святыня».

А теперь обратимся к свидетельству любимого архитектора Гитлера Альберта Шпеера, у которого не было никаких оснований клеветать на рейхскомиссара Украины Эриха Коха. Получив на Нюрнбергском процессе вместо казни через повешение 20 лет тюрьмы Шпандау, Шпеер вышел на свободу, как он пишет, пытаясь понять таинственную русскую душу, которая сломала непобедимый тевтонский дух. А заодно Шпеер вспоминает страницы летописи Третьего рейха, в том числе и свое посещение Киево-Печерской лавры: «На месте одной из самых знаменитых церквей Киева я обнаружил груды развалин. Мне рассказали, что при Советах здесь находился склад боеприпасов, который затем, по неизвестной причине, взлетел на воздух. Позднее Геббельс рассказал мне, что в действительности рейхскомиссар Украины Эрих Кох решил уничтожить символ национальной гордости украинцев и приказал взорвать церковь. Геббельс был крайне недоволен поведением Коха и открыто возмущался жестокими методами управления оккупированными территориями России».

Какое замечательное проявление гуманизма со стороны Геббельса, которого многие не без основания относили к поклонникам людоедов. Что же тогда можно говорить об Эри-

хе Кохе, если даже Геббельс считал его еще более жестоким и беспощадным. Следует добавить, что, взорвав Успенский собор, Эрих Кох на память об уничтоженном шедевре прихватил 800 ценнейших древних икон, ну и что-то там по мелочи. К деятельности Эриха Коха мы еще вернемся.

Сергей Кот считает, что «ответственность за гибель этого шедевра древнерусской архитектуры несут, конечно же, два тоталитарных режима – Сталина и Гитлера».

Альберт Шпеер (слева) и Йозеф Геббельс (справа) возмущались варварством гауляйтера Польши и Украины Эриха Коха

А сейчас не можем не высказать удивления по поводу некоторых мнений, которые нам удалось услышать на Украине: Киев разрушила Красная армия, Успенский собор взорвала Красная армия, и вообще все неприятности шли и даже сегодня идут от России.

Мы не политики, но не можем остаться в стороне от такого странного прочтения истории – общей для нас. Не секрет, что многие сегодня охотно бы распилили памятник Дружбы украинского и русского народов, а металл сдали бы в утиль.

Но, видимо, есть еще что-то в истории двух братских народов непреходящее, что невозможно уничтожить. Есть и были всякие разногласия в оценке конкретных событий, но период борьбы с немецким фашизмом, конечно, не может иметь разночтений, независимо от того, какая была власть тогда, а какая сегодня. Это откровенная чудовищная агрессия, приведшая к гибели миллионов людей. Это история Бабьего Яра, где погибли 300 тысяч человек, в том числе 45 тысяч евреев.

Жертвы и утраты были общие, и Победа была тоже общая.

Глава пятая, в которой мы узнаем, кто такой бургомистр Василий Пономарев и почему одни считают его героем, а другие – предателем

В предыдущей главе мы узнали:

– в Киеве можно ознакомиться с подлинником замечательного архива доктора Розенберга;

– начиная с первого дня оккупации в Киеве происходили странные взрывы и пожары, которые привели оккупантов и мирных жителей в паническое состояние;

– при не выясненных до сих пор обстоятельствах был взорван всемирно известный Успенский собор, и спор об этом продолжается.

Великий Новгород. Без него немыслима история России, ее культуры. Достаточно пройти по Новгородскому кремлю, чтобы понять, какую духовную ценность составляет этот древний русский город. Вы будете поражены, но немцы все-таки утверждали, что Новгород – всего лишь старый ганзейский город, а следовательно, совсем не русский, а немецкий. Именно поэтому Новгороду было уделено особое внимание. Рассказывает директор Новгородского музея Николай Гри-

нев: «Культурные ценности вывозили быстро, спешно и достаточно активно, но выяснилось, что в принципе, впрочем, как и сегодня, к такого рода операции ни музей, ни город был не готов. Ну, например, не было элементарных гвоздей и шурупов, склотить ящики и упаковку было буквально нечем. Поэтому использовали для эвакуации культурных ценностей бочки, но не все можно в бочках вывезти, и, естественно, русскую икону эвакуировали частично, а точнее сказать, эвакуировали очень незначительную часть.

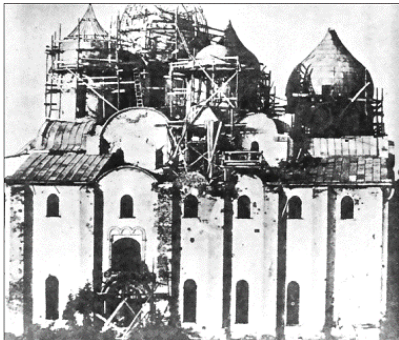
До войны в Новгороде, в переданных музею новгородских храмах, находились около 5,5 тысячи икон. Эвакуировано было буквально несколько десятков. Все остальное осталось оккупантам. Один из сотрудников, Василий Сергеевич Пономарев, решил остаться с коллекциями в оккупированном городе. Но сама эта мысль в тот момент казалась дикой и предательской. О потерях тогда никто как бы и не вел речи, важно было победить противника, а вот он думал о том, что будет дальше, после войны».

И вот однажды в немецкую комендатуру явился археолог Василий Пономарев и потребовал от немецкого командования обеспечить сохранность бесценных экспонатов новгородских музеев. Немцы были приятно удивлены, что пришедший явно заинтересован в налаживании порядка, и сразу же назначили его бургомистром города. Василий Пономарев немедленно обеспечил охрану музеев и церквей от разграбления.

Рассказывает Наталья Ткачева, сотрудник псковского музея: «Поразительно, но у немцев были на немецком языке путеводители по Новгороду – перевод главы о Новгороде из книги известного советского исследователя Игоря Грабаря. Они в своих документах подчеркивали, что речь идет о сохранности памятников мирового значения.

Когда немецкая команда «Петербург» вошла в Новгород, она увидела перед собой разоренный и разграбленный город. Все храмы стояли открытые, без дверей и стекол. Все, что осталось, немцы пытались взять под контроль и сохранить, так как первоначально задача вывоза ценностей не ставилась. Немцы полагали, что пришли в Россию навсегда. И только в 1943 году, когда в войне произошел перелом, начался вывоз всего, что можно было вывезти. А осенью 1941 года искусствовед доктор Роскамп писал в отчете, что «вывозить иконы, являющиеся частью иконостасов, нельзя»».

Наиболее полное представление о том, в каком состоянии оказались памятники Новгорода после окончания боев, дает «Акт осмотра от 26–27 ноября 1941 г.», составленный руководителем рабочей группы «Эстония» Георгом Фридрихом фон Крузенштерном.

Новгородская София. Перенесла разграбление алтаря и церковной утвари, попадание снаряда в центральный купол, лишилась золотой кровли, центрального креста с голубем – несмотря на усилия «героя и предателя» Василия Пономарева

«Город был разрушен на 90 %. Софийский собор (в советское время здесь располагался музей атеизма) был подвергнут артобстрелу. В многочисленных помещениях собора в беспорядке, среди щебня и камней, лежали обломки драгоценных гробниц, одежды русских князей, скульптуры из камня и дерева, литургические одеяния из шитой золотом парчи, церковная утварь и остатки знаменитого собрания Библий».

В Лихудовом корпусе Новгородского кремля Крузенштерн нашел 10 тысяч книг древней библиотеки новгородского архиепископа и библиотечных собраний местных дво-

рян. Книги XVII–XIX веков валялись на полу среди мусора, человеческих нечистот и кирпичей. Значительная часть коллекции, указывается в акте, пострадала от солдат испанской «Голубой дивизии». Испанцы вообще оказались страшным бичом новгородских древностей.

Церковь Входа в Иерусалим (здесь была картинная галерея) они превратили в кузницу, дворец архиепископа – в морг. Большую часть хорошо сохранившихся церковных иконостасов испанцы пустили на дрова. Знаменский собор полностью сожгли «по неосторожности».

«Особый случай, – писал доктор Роскамп в своем подробнейшем отчете уже в марте 1942 года, – церковь Михаила Архангела, единственный действующий в городе в годы советской власти храм. Эта церковь хорошо сохранилась, здесь были собраны произведения искусства из многих храмов. Испанские солдаты взорвали дверь ручной гранатой и проникли внутрь, из храма были украдены серебряная утварь и иконы».

Надо заметить, что на дверях древних храмов были прибиты запретительные надписи на немецком и испанском языках, но испанцы не обращали на это никакого внимания и продолжали грабить церкви. От испанцев пострадали практически все храмы. Немцы вообще пишут об испанцах как о мародерах, с которыми невозможно договориться. Конечно, часть ценностей из Новгорода успели эвакуировать. Вот цитата из отчета Роскампа:

«Русские при своем отступлении вывезли из города многие драгоценные памятники искусства, например знаменитые Магдебургские врата.

Также русские взяли золотые кубки, знаменитые лиможские эмали XII века и отдельные ценные иконы... а из музея в кремле – большое собрание икон и русской живописи XIX века. В целом в Новгороде создается впечатление, что русские намеренно подожгли и разрушили наиболее значительные церковные постройки. В одной только сожженной русскими церкви Иоанна на Торговой стороне погибло около 3000 собранных древних икон».

Гринев продолжает свой рассказ: «В Новгороде находились сразу две армии: одна немецкая, более-менее организованная, а другая – испанская «Голубая дивизия». Это были испанцы, добровольцы, не лучшие люди Испании, так скажем, и, естественно, они вели себя без всякого уважения к каким-либо культурным ценностям. И до нас дошло достаточно много писем того же Пономарева в Берлин, в Ригу, обращенных к немцам, – с требованием, чтобы немецкая армия защитила культурные ценности. Чтобы около разрушенных, разбитых дверей древних храмов были поставлены немецкие часовые и чтобы библиотечные книги не сжигали – редкие рукописные книги, например, – не сжигали в печах. Потому что испанцы это делали. Он сам занимался реставрационными работами, и до сих пор в фондах новгородского музея есть иконы, на которых профилактические наклейки

сделаны газетами 1942 года».

Впрочем, месяца через три стало ясно, что Василия Сергеевича ничего, кроме музеев, не интересует. И поэтому немцы с сожалением сняли его с должности бургомистра.

Перед приходом Красной армии Пономарев потребовал у оккупантов, чтобы они обеспечили вывоз ценнейших икон, хранящихся в новгородских музеях. Поступок дерзкий! Ибо Василий Сергеевич автоматически становился пособником врага по расхищению национальных ценностей.

«Ему удалось, – продолжает директор Гринев, – созвать сюда целую комиссию из выдающихся крупных европейских специалистов, которые сделали заключение о чрезвычайной, вненациональной ценности оставшихся в Новгороде коллекций. И ему разрешили вывезти из Новгорода, правда, всего лишь 600 икон из 5,5 тысячи. Он, естественно, отобрал лучшее. Сначала иконы были перевезены подальше от линии фронта, во Псков, затем, когда линия фронта подошла к Пскову, их перевезли в Ригу, затем – в Кенигсберг, а затем – на территорию Германии. Не все удалось сохранить в процессе этих перевозок. В немецких документах есть такая фраза: «Один вагон мы потеряли».

Значит, то ли он попал под бомбежку, то ли он был разграблен каким-то образом, но на территории Латвии до сих пор в отдельных храмах есть иконы из Новгородского музея. Судя по всему, это и есть следы того потерянного вагона».

Судьба Василия Пономарева стала интересовать нас все

больше. Ни одной его фотографии найти не удалось, кроме снимка, на котором изображена археологическая экспедиция, где якобы левый крайний человек – это и есть Василий Пономарев. Мы тут же разыскали племянницу Пономарева Антонину Вадимовну Передольскую.

Рассказывает Передольская:

«Василия Сергеевича Пономарева назвали в честь деда Василия Степановича Передольского, известного в Новгороде краеведа, неплохого в прошлом адвоката. Но главное – в историю он вошел как пионер археологии в Новгороде и организатор первого частного музея древности.

В нашей семье ему достался самый тяжкий крест. Он рано осиротел. После того как умер его отец, они с матушкой в Новгороде поселились у старшей сестры, у Ольги Васильевны Передольской, которая была в то время врачом. И вот с учетом ее преклонного возраста и того, что она скончалась в оккупации, можно предположить, что Василий Сергеевич мог остаться в Новгороде из-за нее».

Свое особое мнение о Пономареве имеет Борис Николаевич Ковалев, профессор Новгородского университета:

«Родился Пономарев в 1907 году. Он – почти советский человек, поскольку к событиям 1917 года ему было всего-навсего 10 лет, но родился он в семье судебного следователя. Однако ему повезло. Он смог поступить в Московский университет, и одним из его друзей, о которых он постоянно говорил следователю, арестованный в 1932 году, был недавно

скончавшийся академик Рыбаков Борис Александрович. И когда мы смотрим это самое дело, появляется, знаете, такая легкая улыбка. Видно, как ленинградские чекисты пытаются найти контрреволюционное гнездо в Москве, в Государственном историческом музее. И как умные люди бьют их по рукам и говорят: «Вы что, ребята, с ума сошли». Это что же получается: ленинградские шустрые чекисты обнаружили контрреволюционное гнездо, и где? Под носом у Лубянки? Как Москва на это посмотрит?!»

А надо сказать, что в начале 30-х годов Пономарев был арестован по так называемому «музейному делу». «Тогда по этому делу было арестовано практически все руководство, все специалисты музейного дела, – продолжает рассказывать профессор Ковалев. – Если читать обвинительное заключение, то по нынешним временам людей нужно было не наказывать, а нужно было ставить памятники. Они пытаются спасти колокола от физического уничтожения. Обвинительное заключение строилось на показаниях, может быть, двух-трех человек. И поскольку это совпадало с интересом и с заказом, полученным сверху, обвинительное заключение строилось на показаниях этого меньшинства и, в первую очередь, на показаниях Передольского. Он обвинил музейщиков, в том числе и своего племянника, во всем, начиная с банального воровства из музеев и заканчивая подготовкой терактов. Забегая вперед, скажу, что принял он, конечно, смерть мученическую, когда был арестован в 1936 году – по липо-

вому, сфабрикованному делу по обвинению в попытке убийства Сталина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.